

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Суслов А.В., Гусев Д.А. — Две вертикали, или Парадокс и трагедия советского атеизма // Философия и культура. – 2023. – № 2. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.2.37992 EDN: EBCNOG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37992

Две вертикали, или Парадокс и трагедия советского атеизма

Суслов Алексей Викторович

кандидат философских наук

доцент кафедры философии Российского Государственного Социального Университета; доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Московского Университета им. С.Ю. Витте

123995, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1, каб. 420

✉ suslov.aleksei@mail.ru

Гусев Дмитрий Алексеевич

доктор философских наук

профессор, Московский педагогический государственный университет; Московский университет им. С.Ю. Витте; Институт права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

115432, Россия, г. Москва, ул. 2-й кожуховский проезд, 12, стр.1, оф. 317

✉ gusev.d@bk.ru

[Статья из рубрики "Духовно-нравственные искания"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2023.2.37992

EDN:

EBCNOG

Дата направления статьи в редакцию:

04-05-2022

Аннотация: Объектом исследования являются атеизм и теизм как важные идейные составляющие двух противостоящих друг другу решений «основного вопроса философии» – материализма и идеализма, – образующих две системы жизненной навигации человека. Предметом исследования являются две мировоззренческие парадигмы – советского атеизма и православного христианства. Материализм и атеизм – принципиальные элементы марксистского учения, лежащего в основе философии и культуры советского периода российской истории, – противостоящие теизму, креационизму и провиденциализму христианского понимания мира и человека, – характерным для мировоззренческой парадигмы дореволюционной России. Целью

исследования является выяснение и обоснование идейного пересечения данных несовместимых, кажется, мировоззренческих позиций. Одной из задач исследования является обоснование их вертикальной смысловой и ценностной ориентации. Новизна проведенного исследования, в частности, заключается в обосновании утверждения о том, что два несовместимых друг с другом мировоззренческих полюса представляют собой разновидности классической философской традиции с ее вертикальной ценностно-смысловой ориентированностью, и вместе противостоят основной направленности неклассической философии, базирующейся на горизонтальной шкале смыслов и ценностей. Один из основных выводов состоит в том, что в вертикали советского материализма и атеизма заключается парадокс и одновременно – его трагедия: как то ни удивительно, в силу вертикальной ориентированности советской культуры, – формально атеистической, – она фактически пронизана религиозными интуициями, вопросами, проблемами, идеями и сюжетами, замаскированными под светские понятия и термины, что находит свое проявление в разнообразных произведениях советской художественной культуры.

Ключевые слова:

основной вопрос философии, классическая философия, неклассическая философия, либерализм, позитивизм, материализм, идеализм, религия, христианство, атеизм

В настоящее время словосочетание «основной вопрос философии» употребляется, как правило, в кавычках, т.к. большая часть представителей философского сообщества разделяет позицию, согласно которой никакого «основного вопроса философии» не существует, а если и существует, то он никак не «основной», или, что встречается чаще, – этот вопрос устарел [1–2], канул в Лету, ныне неактуален, и вряд ли серьезный представитель философского знания будет в настоящее время работать с понятиями *материи, духа, субстанции, первичности* [\[3, с. 142\]](#) и т.д. – по той причине, что все это достояние интеллектуальной традиции Нового времени, которая на сегодняшний день «преодолена» совершенно иным видением философии, ее проблемного поля, основных объектов, целей, задач и методов.

И каковы же нынешние проблемы, цели и задачи философии? Существует ли на этот вопрос какой-либо общепризнанный и удовлетворительный ответ? Наверное, в каждом локальном философском сообществе он существует, но является ли любое локальное философское сообщество «носителем истины» и «хранителем философии», наверняка знающим что она такое и зачем нужна, а также защищающим ее от посягательства профанов, дилетантов и «непрофессионалов»?

Если все же исходить из того, что философия – не наука и не референт науки, и не логика и методология социально-гуманитарного познания, а любовь к мудрости, поиск истины, знающее незнание, удивление обычному, преодоление привычки, горе от неконформистского ума, эвристическое сомнение, поиск ответов на метафизические (а не «физические») вопросы, безнадежная надежда дойти до горизонта смыслов, то тогда, конечно же, одним из основных вопросов философии будет вопрос о том, что такое философия, чем она занимается и должна заниматься, и зачем она нужна. В контексте такого понимания философии и ее предназначения становится невозможной самодовольная уверенность в нашем знании по поводу того, что устарело в проблемном поле философии, а что – нет, что является в ней актуальным, а что не является таковым, какие понятия, вопросы, идеи и сюжеты достойны быть объектом философской

рефлексии, а какие не могут обладать этим статусом [4, с. 60].

В свете сказанного посмотрим еще раз на «основной вопрос философии» и на то, действительно ли он теперь неактуален и «устарел». Устарела ли дискуссия между теизмом и атеизмом, эволюционизмом и креационизмом, синергетизмом (эмерджентизмом) и телеологизмом? Устарел ли в философии вопрос о природе идеального и психофизическая проблема?

Все это не устаревает и сегодня актуально не в меньшей степени, чем сто или тысячу лет назад [5]. Поскольку здесь авторы могут подвергнуться обвинению в антиисторизме, можно задаться вопросом о том, является ли историзм полностью *корреспондирующей действительности* концепцией? Существует ли в жизни мира и человека что-либо *внеисторическое*? Например, фундаментальные параметры и константы Вселенной, родившиеся вместе с ней в результате Большого взрыва, о которых говорится в антропном принципе, являются ли поддающимися интерпретации в смысловых координатах историзма? Относительно человека, тем более, следует обратить внимание на *внеисторические экзистенциалы* человеческого бытия – факт неизбежной конечности и знание о нем, проблема смысла жизни и предназначения человека («Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?» А.С. Пушкин), поиск истины и метафизическая тоска («Не плоть, а дух растлился в наши дни, и человек отчаянно тоскует...» Ф.И. Тютчев). Можно возразить – формы этих экзистенциалов являются все же исторически изменчивыми, – что, однако, будет далеко не бесспорным тезисом: по крайней мере, человеческая тоска является как раз внеисторической – во все эпохи нам чего-то сильно не хватает, а всего, что у нас есть, – нам всегда *мало* («Жизнь брала под крыло, берегла и спасала. Мне и вправду везло. Только этого мало» А. Тарковский).

Итак, «основной вопрос философии» и связанная с ним проблематика не устаревают, несмотря на наше возможное позитивистское и постмодернистское желание объявить его устаревшим. Кроме того, будучи вопросом онтологическим, он не в меньшей степени, является вопросом антропологическим, т.к. два основных ответа на него – материализм и идеализм – являются центрами двух мировоззренческих систем жизненной навигации человека и основанием решающего выбора (по Б. Паскалю) одной из двух *жизненных ставок* – на вечную смерть или на вечную жизнь [6]. Материализм, безусловно, вызывает атеизм, эволюционизм, синергетизм, физикализм (как вариант решения психофизической проблемы), сциентизм, детерминизм, редукционизм, антроповолунтаризм, революционный героизм и позитивизм, – в широком смысле слова, – как добровольное погружение в метафизический сон, или обморок ума и души. Так же и идеализм вызывает теизм, креационизм, телеологизм, спиритуализм (как вариант решения психофизической проблемы), антисциентизм, индетерминизм, провиденциализм, религиозное подвижничество и антипозитивизм, – как стремление пробудиться от метафизического сна [7]. Здесь может возникнуть вопрос о том, почему авторы исходят из связи философского идеализма с теизмом, а не, например, с пантеизмом? Потому что на вопрос – может ли сознание, разум, дух быть безличным, – скорее всего, придется ответить отрицательно; а креационизм, являющийся обязательным идейным спутником теизма, – «...это наиболее последовательный в анализируемом отношении вариант объективного идеализма» [8]. Тот внекреационистский идеализм, о котором мы говорим, предполагая философскую традицию от Пифагора и Платона до раннего Ф. Шеллинга, предполагает как раз пантеизм.

Таким образом, мировоззренческие полюса материализма и идеализма являются ярко

выраженными и имеют достаточно отчетливые границы, определяя основные векторы жизненной навигации не только отдельного человека, но также – определенного сообщества людей и социума в целом.

Российское общество до и после революции 1917–1921 гг. представляет собой два этих лагеря-берега, между которыми лежит непроходимая идейная пропасть, и в то же время..., в то же время, как ни удивительно, есть то, что сближает материализм и атеизм советской эпохи с религиозной теистической парадигмой дореволюционной России, в чем и заключается парадокс, о котором идет речь в названии статьи, и который является основным объектом предпринимаемого исследования.

Далее следует сделать два замечания. Говоря в дальнейшем о советском материализме и атеизме, будем иметь ввиду поздний этап существования Советского Союза – период т.н. «зрелого», или «развитого социализма» (≈ 60–80-е гг. XX в.), т.к. предыдущие годы – время становления социалистической действительности – «рождения порядка из хаоса»; а под религиозным мировоззрением будем понимать господствующую религию дореволюционной России – православное христианство, т.к. само понятие религии (лат. religio – связь, или, точнее – re-ligare – восстановление утраченной связи) предполагает важнейший мировоззренческий топос тоски по утерянной небесной Родине, глубокого раскаяния от губительной духовной «эмиграции», попытки нового обретения покинутого некогда дома, или – *возвращения блудного сына*, – что в полной мере представлено именно в христианском понимании мира и человека.

Говоря о культурной реальности советской эпохи, прежде всего, следует учитывать идеологический и философско-мировоззренческий «фон» этой эпохи, а именно – марксизм или марксистско-ленинская философия, важной особенностью которой является *антропоцентрический волюнтаризм*, и л и *антроповолунтаризм*, с одной стороны, решительно противостоящий провиденциализму религиозного сознания, а, с другой стороны, парадоксально близкий ему – своей основной *вертикально ориентированной* мировоззренческой установкой ^[7]. О какой вертикально ориентированной мировоззренческой установке идет здесь речь? Именно – о той, которая предельно выражена в знаменитых словах К. Маркса о том, что «философы различным образом объясняли мир, а дело заключается в том, чтобы изменить его». Отсюда же – и такие антропоцентрические ориентиры, как: «каждый – кузнец своего счастья», «все в наших руках», «человек – это звучит гордо», «знание – сила», а также – «клячу истории загоним», «жилы и мускулы – молитв верней» (В.В. Маяковский) и т.п.

Несмотря на огромную дискредитированность марксистско-ленинской философии и ее крайнюю непопулярность в нынешних условиях и среди представителей современного философского знания, следует отметить одну важную ее особенность, оспорить которую не получится даже у ее оппонентов, – формирование и развитие этого мировоззренческого учения проходило в рамках классической парадигмы философского мышления, с её представлениями об определенности и «прозрачности» действительности, объективности познаваемой реальности, монистическим подходом к пониманию не только истины, но и нравственных норм и ценностей человеческого бытия.

Марксизм наследует гегельянству, которое является одним из выражений немецкой классической философии, которая сама вырастает из философии Нового времени, которое, в свою очередь, уходит идейными и историческими корнями в эпоху Возрождения и, – далее, – античности, разумеется, – во многом вбирая в себя и средневековую философскую традицию. Классическая философия, таким образом, «простирается» идейно и исторически от Фалеса, Пифагора, Демокрита, Платона,

Сократа и Аристотеля до Бэкона, Декарта, Спинозы, Лейбница, Канта, Гегеля, Маркса и Энгельса, который в одной из своих известных работ говорит о Л. Фейербахе как конце «немецкой классической философии», хотя теперь правильнее было бы сказать, что на Гегеле, Фейербахе, Марксе и Энгельсе вообще заканчивается более чем двухтысячелетняя *классическая философия* и начинается современная философия, или философия *неклассическая*, представленная, с одной стороны, позитивизмом-сциентизмом с его отказом от попыток искать ответы на метафизические вопросы, с другой стороны, – постмодернизмом с его релятивизмом и той же принципиальной анти-метафизичностью.

В чем будет заключаться одно из принципиальных отличий классической философии от неклассической? Классическую философскую парадигму можно назвать *вертикально-ориентированной* в отличие от основной направленности неклассической философии, которая является, наоборот, *горизонтально-ориентированной*. Что это значит, и как это понимать?

В данном случае следует обратить внимание на то, что представители и сторонники как современной, так и исторической социалистической и анархической традиции, как правило, заменяют в своем социально-философском словоупотреблении термин «либеральный» на совершенно не равнозначный ему термин «либертарный» (лат. *liberalis* – свободный, щедрый, *liber* – свободный, вольный). Здесь, перед нами, как видим, находятся слова-паронимы – сходное произношение и написание, а также одинаковое происхождение, но – принципиально различные значения. Вряд ли кто-то будет оспаривать утверждение, согласно которому в современном мире слова «либеральный», «либерализм» и т.д., в каком-то смысле давно дискредитировали себя, т.к. все в большей степени означают не – *свободный*, – а, наоборот, – *несвободный*, иначе – *капиталистический*, пребывающий во власти золотого тельца и служащий мамоне, а, значит, – порокам и страстям. Кроме того, в более широком контексте *либеральный* означает – находящийся в смысловых координатах *позитивизма*, понимаемого как отказ от поиска ответов на метафизические вопросы, а, значит, также – *секуляризма* и *апатеизма*, и, кроме того, – *материализма* и *атеизма*, *эволюционизма* и *сциентизма*, – мировоззренческих установок, – к определенному разочарованию материалистов и атеистов, – утверждающих, что «основной вопрос философии» является безнадежно устаревшим.

Возможно утверждать, что либерализм с такими своими идейными спутниками, как позитивизм, релятивизм и постмодернизм, – является именно *горизонтально-ориентированным* мировоззрением: каждая интеллектуальная позиция, выбор способа действий и мыслей лежит не на *вертикальной шкале*, ориентированной между точками, находящимися *выше* и *ниже*; каждая позиция не хуже или лучше другой, более того, – является не губительной или спасительной для человека, – а, всего лишь, – *иной*, *другой*, *отличной от какой-то еще*. Этой же *горизонталью* обусловлены такие важные в современном мире, но не вызывающие всеобщего согласия ценности, как – *права человека*, *мультикультурализм*, *толерантность*, и многие другие, которые обязаны своим происхождением принципиальной *неметафизичности* и *горизонтальности* либерального сознания.

Смысловые координаты классической философской традиции, а также – религиозной традиции, которая представлена христианским мировоззрением, связаны, наоборот, с идейной *вертикалью*, где каждая точка лежит именно *выше* или *ниже* другой, стоит ближе к *земле* или к *Небу*, что неизбежно заставляет человека вновь задаваться вопросами о своем предназначении в мире, смысле краткого пребывания в нем, –

вопросами пустыми и бессмысленными, – если рассматривать их с точки зрения идейной *горизонтали*, т.е. – релятивистского, постмодернистского и либерального сознания.

Как то ни удивительно, но, в данном случае, можно говорить о *двух вертикалях* – антропоцентрически и материалистически-атеистически ориентированной советской вертикали, связанной с марксистским учением, и провиденциальной, идеалистически-теистически ориентированной религиозной вертикали, представленной христианским мировоззрением. С одной стороны, между этими двумя вертикалями – бездна, и они категорически и непримиримо противостоят друг другу, а, с другой стороны, есть нечто, что, как то ни удивительно, позволяет их сопоставить, – это именно вертикальная мировоззренческая и смысловая ориентированность – и в первом, и во втором случае; в результате чего и марксистская философия, и христианское учение противостоят горизонтально ориентированному мировоззрению либерализма, позитивизма, апатеизма, постмодернизма и релятивизма.

Советский материализм-атеизм-антропоцентризм и христианская религия являют собой две вертикали, с одной стороны, сходные именно своей вертикальностью, а, с другой стороны, принципиально непримиримые и навечно несовместимые друг с другом, т.к. одна из них представляет собой самонадеянное строительство людьми *вавилонской башни* собственного светлого будущего, а другая – *благодатную лестницу*, по которой к несчастным, заблудившимся и погибающим людям сходит Милосердный Бог, ставший Человеком, – для их спасения.

Здесь следует отметить, что представители разных мировоззрений – материалисты и идеалисты, атеисты и верующие, агностики и скептики, релятивисты и нигилисты и т.п., а также – философы и богословы, ученые и писатели – сойдутся в том, что *ни подтвердить, ни опровергнуть ни ту, ни другую идейную позицию невозможно*. Невозможно, в принципе, ни подтвердить, ни опровергнуть – общепринятым, рациональным, окончательным и не вызывающим возражений способом – существование Бога, бессмертной души, вечной жизни, – с этим тезисом вынуждены будут согласиться все, как с некой аксиомой «евклидовой геометрии».

В силу вышесказанного, «основной вопрос философии», который родом из марксистской философии и сформулирован Ф. Энгельсом [\[9, с. 340\]](#), к разочарованию тех, кто утверждает, что он безнадежно устарел, не только не устаревает, но и, возможно, действительно является основным вопросом философии – без кавычек, т.к. он является не только и даже не столько вопросом о природе субстанции, или о первоначале сущего, сколько – частным вариантом, если можно так выразиться, *основного вопроса всего* – фундаментального вопроса о существовании или не существовании Личного Бога как Начала и Цели всего существующего, в том числе, – любой человеческой жизни; вопроса о бессмертии или смертности души; вопроса о том, является ли наша жизнь «пустой и глупой шуткой» (М.Ю. Лермонтов) или не является ей; возможно ли понадеяться на будущее собственное *небытие*, т.е. – на то, что после земной жизни *ничего уже не будет*, а поэтому можно жить так, *как хочется*, – «по своей глупой воле» (Ф.М. Достоевский), или же – нам не избежать того, что будет вновь *бытие*, только – бесконечно благое или бесконечно мучительное, по сравнению с которым (бесконечно мучительным) *небытие* было бы бесконечно лучше.

Положительный и отрицательный варианты ответа на эти вопросы обуславливают два противостоящих друг другу мировоззрения, которые определяют образ мыслей, чувств и поступков каждого из нас, наших ценностей, надежд и ожиданий, т.е., без преувеличения, являются двумя различными системами жизненной навигации любого

человека, – даже такого, который утверждает, что он воздерживается от мировоззренческого выбора, поскольку стоит на позициях агностицизма, релятивизма, скептицизма, позитивизма; воздержаться от выбора, в данном случае, невозможно, и тот, кто будто бы воздерживается, – пусть незаметно для себя, – но тоже делает выбор.

Итак, пропасть между двумя вертикалями, о которых говорилось выше, – возможно, и является одним из *главных парадоксов и трагедий* советской философии и культуры. О парадоксе было сказано выше, а к тому, почему это может быть названо трагедией, еще предстоит обратиться. Парадокс и трагедия, которые, возможно, дают ключ к осознанию и пониманию культурного наследия советской эпохи. В свете таких рассуждений становятся понятными слова известного отечественного мыслителя и писателя Андрея Кураева о том, что «Опыт России XX века показал, что люди, живущие вне сознательной христианской веры и даже в формальном противостоянии ей, могут продолжать творить по сути именно христианскую культуру (советский кинематограф в своих лучших лентах дает тому пример)» [\[10, с. 232\]](#).

Приведем несколько примеров из комедийных кинематографических произведений, – если даже в них можно найти произвольно выраженную их создателями вертикаль мировоззрения советского человека, то что же тогда можно сказать о некомедийных, или серьезных кинофильмах? В знаменитой комедии Л. Гайдая «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» (1965 г.), в серии «Напарник» Федя (герой актера А. Смирнова), напарник Шурика (А. Демьяненко), говорит ему (не без иронии) такие слова: «Вот ты думаешь, это мне дали 15 суток, нет, это нам дали 15 суток, а зачем, – чтобы ты вел среди меня разъяснительную работу, а я рос над собой». По всей видимости, авторы фильма, иронизируя над советской идеологией, сознательно создали эпизод с отчетливо выраженным диссидентским оттенком, но при этом, возможно, бессознательно раскрыли одну из основных составляющих того мировоззрения, которое является предметом скрытой издевки: советский человек, или человек нового типа должен *расти над собой*, – он характеризуется стремлением к самосовершенствованию (возможно, в этом заключается причина того, что данный эпизод был пропущен цензурой).

Герой либерального мира, он же – антигерой советской эпохи так же в качестве одной из жизненных ценностей полагает саморазвитие, которое, однако, не имеет ничего общего с самосовершенствованием советского человека. Первое предполагает изменение, или «улучшение» человека на основе его стремления стать более удачным, успешным, эффективным, рейтинговым, «топовым», или, говоря словами капитана Ларсена – героя Дж. Лондона («Морской волк») – «бо'льшим куском закваски». Самосовершенствование, в отличие от саморазвития, в данном случае, предполагает, что человек становится мягче, честнее, добрее, чище, светлее, терпимее, милосерднее, великодушнее. Именно о таком изменении идет речь в христианском понимании мира и человека: «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей» (Псалом 50).

Другой пример – это знаменитая лирическая комедия М. Казакова «Покровские ворота» (1982 г.), в которой Савва Игнатьевич (В. Борцов) – новый муж Маргариты Павловны (И. Ульянова) на вопрос бывшего ее мужа, неприспособленного к бытовой жизни Льва Евгеньевича (А. Равикович), зачем ему, Савве надо, чтобы он жил у них, какая ему от этого *радость*, Савва Игнатьевич отвечает знаменитыми словами: «Вот ведь на всех языках говоришь, а по-русски не понимаешь, – живут не для *радости*, а для *совести*!». *Жить для совести* – прямая рецепция христианского сознания!

Одно из центральных понятий христианства и важнейшая ценность христианина – это

покаяние , или – раскаяние человека в своих поступках, мыслях, чувствах, намерениях и желаниях. Однако для искреннего раскаяния человеку надо *увидеть* все те безобразия, которые он совершает. А как мне их увидеть, если, как раз наоборот, я думаю, что *ничего такого плохого не сделал и вполне собой доволен* ? Это состояние самодовольства и самонадеянности является не чем иным, как *окамененным нечувствием* , а также – *малодушием* , *забвением* и *неведением* , которые перекрывают человеку «духовный кислород», заставляя его задыхаться. «Господи, избави мя всякого неведения и забвения, и малодушия, и окамененного нечувствия», – обращается к Богу христианин в молитвенном прошении вместе со святителем Иоанном Златоустом. Однако исполнение такой просьбы возможно только при искреннем желании человека избавиться от этих пороков. Если же я прошу Господа Бога избавить меня от какой-либо страсти, а сам тайно люблю ее или, по крайней мере, отношусь к ней со снисхождением, – не вижу и не понимаю, что она меня душит, – мое молитвенное прошение будет декларативным и лицемерным.

Вот здесь и требуется голос совести, который заставляет человека «держать руку на пульсе своей души», подталкивает его к постоянной проверке и перепроверке собственного духовного состояния. С позиций религиозного мировоззрения (хотя это вполне понятно и в координатах светского сознания) лучшее для человека – это увидеть *скверну своей души и грязь сердца* и – содрогнуться увиденному. Это содрогание и есть пробуждение человека от сна греховной смерти, преддверие его преображения и спасения. Таким образом, на фундаментальный вопрос о смысле человеческой жизни вполне определенно можно ответить, что смысл человеческой жизни заключается в том, чтобы жить не для эфемерной *радости* (физическое и душевное благополучие), а для *совести* (метафизическое, или духовное благополучие), которая и есть для человека несомненное благо и настоящая радость.

Обратимся еще к одному шедевру советского кинематографа – лирической комедии Э. Рязанова «Служебный роман» (1977 г.), интересной в контексте нынешнего разговора знаменитой музыкальной композицией «У природы нет плохой погоды» (Э. Рязанов, А. Петров), которая является, без преувеличения, философским произведением, как и знаменитое стихотворение А. Тарковского «Вот и лето прошло», легшее в основу шлягера В. Матецкого в исполнении С. Ротару, что вызвало недоумение и обиду у многих верующих: «...до сих пор не могу простить Софии Ротару, – говорит А. Кураев, – то, что великое стихотворение Арсения Тарковского «Только этого мало» она превратила в шлягер [\[10, с. 114\]](#). Однако остается открытым вопрос, – случайно ли для популярной эстрадной песни было взято серьезное поэтическое произведение с глубоким философским содержанием?

Итак, композиция «У природы нет плохой погоды», будучи советской песней советского кинофильма, – имеет совершенно религиозное содержание. Основная идея произведения – тихое и светлое, смиренное и мудрое *благодарение* человеком Бога за все Его дары, только, – в качестве дани советскому атеизму, – понятие Бога заменяется на понятие природы. На то, что речь идет именно о благодарении Бога, указывает и совершенно несвойственная светскому и секулярному сознанию лексика композиции: «благодать», «благословить», «не скорбя». Кроме того, сам топос благодарения предполагает именно личностно понимаемое измерение связи (лат. religio – связь) благодарящего и Благодаримого: благодарить может только личность, и адресована благодарность может быть только Личности. Можно, к примеру, благодарить своих родителей, учителей, наставников, помощников, благодетелей, спасителей; но как благодарить нечто безличное, например – закон сохранения энергии или корпускулярно-

волновой дуализм микромира, или хаос элементарных частиц, появившийся в огненном пекле Большого взрыва? По всей видимости, это, так или иначе, осознавалось, и поэтому природа в философии советского периода мыслилась, по сути, пантеистически. Материя марксистско-ленинской философии, которая способна к эволюции, самоорганизации, творческому саморазвитию, – первопричина всего существующего, единственная субстанция, фундамент бытия, или, по-гречески, – ипостась, никак не может быть, по логике своего понимания, чем-то сугубо *физическим*, но может и должна быть началом живым, одушевленным и разумным, а еще лучше – производным от нематериального живого и разумного начала. Однако в таком случае полностью теряется атеизм, и на его месте появляется теизм; а поскольку этого допустить было никак нельзя, то единственное, что оставалось – это пантеизм, замаскированный под атеизм [\[11\]](#).

Обратимся еще к одному примеру, которым является не менее знаменитое музыкальное произведение «Прекрасное далеко» (Ю. Энтин, Е. Крылатов) из детского телевизионного научно-фантастического художественного фильма П. Арсенова «Гостя из будущего» (1985 г.), снятого по мотивам повести К. Булычева «Сто лет тому вперед» (1977 г.).

Лирический герой произведения обещает стать «чище и добрее», но не – способнее, умнее, эффективнее, гибче, мобильнее, креативнее, результативнее и т.п. Именно – *чище и добрее*. Почему? Потому что он «слышит голос из прекрасного далека», который зовет его «в чудесные края». Какой это голос? Кто зовет его? Может быть, это коммунистический голос из времени полного социально-экономического устройства мира, или это трансгуманистический голос из эпохи преобразования человека и человечества на основе высоких достижений науки и технологий, или это либеральный голос из будущего повсеместного торжества «демократии и прав человека»? Ни то, ни другое, ни третье, – это ангельский голос Небесной родины человека, вечного бытия, Царствия Небесного, в которое, однако, могут, по слову Господнему, войти не все, а – *смиренные, плачущие о своих грехах, кроткие, милостивые, чистые сердцем*.

Здесь авторы могут подвергнуться упреку в «фантазировании» и слишком вольной интерпретации. Поэтому предлагаем читателю создать свою когерентную интерпретацию данного текста: «Слышу голос из прекрасного далека, он зовет меня в чудесные края, слышу голос, голос спрашивает строго – а сегодня что для завтра сделал я». Для какого завтра? Явно – не только и не столько для завтра счастливого человечества, но, точно, – для своего собственного завтра, только – не физического, а метафизического. Но какое может быть мое метафизическое завтра, если, с материалистической и атеистической точки зрения, все мы умрем, когда-то исчезнет человечество, затем – планета Земля, потом – Солнечная система и даже Вселенная, – схлопнувшись в гравитационном коллапсе? Значит, речь идет про «завтра» в координатах – точно – не атеистического сознания. Если же это так, тогда имеется в виду не физикалистское решение психофизической проблемы, где *душа – это функция* тела, а – спиритуалистическое, где *тело – инструмент души*, дающийся ей для творчества, которым является вся земная жизнь человека (не душа есть у тела, а тело есть у души).

Лирический герой начинает свой путь в «прекрасное далеко» от «чистого истока», под которым, наверное, разумеется изначальная чистота и свет души дарованной Богом человеку. Тайна человеческой жизни заключается в нашей свободной воле – сохранить и приумножить эту чистоту и свет или же, наоборот, – растерять их и погубить душу, перепачкав ее и ввергнув во мрак. «Не остави в путь шествующия души моя окаянная убити разбойником, святыи ангеле, яже ти от Бога предана бысть непорочне; но настави

ю на путь покаяния», – просит человек своего ангела-хранителя.

Земная, или телесная жизнь человека – это творчество души по формированию себя самой и подготовке того, что с ней будет после земной жизни: душа, не растерявшая свою чистоту, соединяется со светом, радостью, миром, благом, наследует вечную жизнь, Царствие Божие; а душа, испортившая себя страстями и пакостями, соединяется с мраком и злом, наследует не блаженство, а муки, – не вечную жизнь, а вечную смерть, которая, однако, не есть небытие, а является таким ужасным бытием, которое невозможно пожелать никому.

В продолжение темы вспомним советскую музыкальную композицию А. Островского на слова Л. Ошанина «Пусть всегда будет солнце» (1962 г.). Как то ни удивительно, но слова «Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет небо, пусть всегда будет мама, пусть всегда буду я» представляют собой именно религиозный текст, т.к. с позиций безрелигиозных следует утверждать обратное – *ничего никогда не будет*, мы все исчезнем в небытии и надеяться не на что!

Фундаментальная интуиция человека – его вечное бытие: на уровне поверхностно-формально-рациональном, или *de jure* я знаю, что у моей жизни есть начало и конец, но на уровне глубинно-неформально-иррациональном, или *de facto* я почему-то уверен, что это не так, – если то, что происходит со мной сейчас, есть *бытие*, то как оно может превратиться в *небытие*, ведь *бытие есть, небытия же нет*; и это относится не только к внешнему бытию, но к моему собственному бытию – в не меньшей степени. На вопрос: «Всегда ли ты был?» – я могу уверенно ответить, что по свидетельству о рождении и по паспорту – не всегда, но в действительности, – *сколько себя помню*, – *я всегда был*, а значит – *и всегда буду*. Что это, как не базовая религиозная интенция любой человеческой души? Кроме того, как правильно говорится в произведении, *мама тоже всегда будет*, и *все всегда будут*, потому что смерти нет, – она побеждена, преодолена и уничтожена Богом – «нас ради человек и нашего ради спасения». Умирает и исчезает не человек, а только его тело, а сам человек – личность, душа, человеческое «я» полностью остается, только – без материального, или телесного своего «носителя»: *у Бога все живы*! И только в этом случае, – *когда все всегда будут*, есть смысл во всем происходящем; и наоборот, если *ничего и никого никогда не будет*, тогда все опустошается и обнуляется, – перед небытием совершенно бессмысленна и жизнь каждого человека, и всего человечества.

Как наука говорит о фундаментальных природных законах сохранения, – массы, энергии, импульса, вещества, электрического заряда, на которых построен физический мир, так же религия говорит о фундаментальном сверхприродном *законе сохранения личности*, на котором зиждется человек и вся его жизнь. Поэтому возможное определение религии – *теория и практика бессмертия*. С религиозной точки зрения, основное содержание человеческого бытия – *смерти не будет*, потому что «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав». Обратим внимание на то, что первоначальное название романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» – «Смерти не будет»; а то название, под которым он увидел свет, прямо указывает на начало молитвы Иоанна Златоуста перед Святым Причастием на Божественной Литургии: «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога живаго, пришедый в мир грешныя спасти, от нихже первый есмь аз». Писателем не случайно была выбрана старославянская форма прилагательного «живой», – так в произведении красной нитью проходит тема воскресения – преодоления смерти и утверждения жизни.

Понятно, что идея религиозного бессмертия может существовать только в таком

философском дискурсе, который сообразован с *вертикальной* шкалой понимания мира и человека; в случае же шкалы *горизонтальной* нам не остается ничего, кроме как примириться с ожидающим всех небытием и полной бессмысленностью человеческой жизни, которая, в данном случае, – *глупая шутка* .

Вспомним известные строки В. Высоцкого: «Мы рубим ступени. Ни шагу назад! И от напряженья колени дрожат, и сердце готово к вершине бежать из груди (курсив – авт.)». Только ли об альпинизме и физической вершине идет здесь речь? Учитывая выдающуюся личность поэта, а также – не только социально-философский, но и, во многом, экзистенциальный контекст его творчества, возможно утверждать, что вершина, к которой готово бежать сердце, является так же и метафизической, – это та самая *вертикаль* , о которой, по сути, говорит вся советская художественная культура, и которой чуждо сознание и культура либерального мира.

Теперь обратимся к важным словам молитвы, которые произносит иерей во время Анафоры, или Святого Возношения, или Евхаристического Канона – центральной части Божественной Литургии: «Горе' имеем сердца» – сердца наши устремлены от мира дольного к миру горнему, от видимого к невидимому, от физического к метафизическому, от временного к вечному, от земного к небесному, который и есть наш настоящий Дом, наша Родина; и только через это стремление возможно для нас обретение радости, света, чистоты, тишины, блага, Истины и вечной жизни. В данном случае невозможно не заметить, что положение из совершенно светского текста: «сердце готово к вершине бежать из груди» и молитвенные слова Церковной службы: «Горе' имеем сердца» являются необыкновенно схожими, хотя и происходят из разных и даже противоположных миров, – чему причиной *две вертикали* –парадоксально близкие и бесконечно далекие друг от друга одновременно.

Важной составляющей советской художественной культуры являются произведения военной тематики, особенно показательные в контексте нынешнего разговора, т.к., по утверждениям людей, знающих о войне не понаслышке, в окопах и под пулями *невозможно исповедовать* атеизм, материализм, эволюционизм и сциентизм. Великая Отечественная война, без преувеличения, наложила огромный и неизгладимый отпечаток на сознание народа, – «она такой вдавила след, и столько наземь положила, что двадцать лет и тридцать лет живым не верится, что живы» (К. Симонов). Само название романа-эпопеи К. Симонова «Живые и мертвые» (1959–1971 гг.) – несомненная рецепция христианского сознания: «И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже Царствию не будет конца» (Символ веры); «Верую, яко приидеши судить живых и мертвых, и вси во своем чину станут, старии и млади, владыки и князи, девы и священницы; где обрящуся аз» (Канон покаянный ко Господу нашему Иисусу Христу). В главной Церковной службе – Божественной Литургии происходит таинственное соединение во Господе всех верующих в Него и уповающих на Него – *живых и мертвых* , а вернее, – усопших; в надежде на милость Божию живые молятся Господу за усопших, а усопшие – за живых, и все мы – живые и мертвые – вечно живы, – и только в этом случае, как уже говорилось, есть смысл во всем происходящем – и с человеком, и с человечеством.

Вспомним строки из стихотворения К. Симонова «Жди меня» (1941 г.): «Жди меня, и я вернусь, всем смертям назло. Кто не ждал меня, тот пусть скажет: – Повезло. – Не понять не ждавшим им, как среди огня ожиданием своим ты спасла меня». Скажите, уважаемый читатель, если вы вдруг атеистически и материалистически или хотя бы скептически настроены, – как та, которая ждет героя с войны, может *спасти его своим ожиданием* ? Понятно, что природные законы здесь бессильны, ни о каких физических

принципах *близкодействия* или *дальнодействия* , в данном случае, не может быть речи. Что же это такое? Не что иное, как неявная, безмолвная, скрытая *молитва* о помощи и милости тому, кто сейчас *среди огня* , – о сохранении и спасении его. Разве может ожидающая *своими силами* спасти ожидаемого? Не может! Но она может просить об этом Господа Бога, Который *может все* . Так советский поэт и писатель, представитель материалистического, атеистического и коммунистического мировоззрения, возможно, незаметно и неожиданно для себя, выразил идею, в корне противостоящую материализму и атеизму.

Со знаменитыми строками из стихотворения К. Симонова не просто перекликаются, а являются, по сути, их полной параллелью слова из необыкновенной по своей эмоциональной силе военной песни Н. Богословского и В. Агатова «Темная ночь» (1943 г.): «Ты меня ждешь и у детской кровати не спишь, и *поэтому* (курсив – авт.) знаю: со мной ничего не случится!» И здесь ожидание женщины – жены и матери – хранит и спасает героя, но – ожидание не само по себе, а не проявленная, но все равно – полная надежды и упования ее *молитва* о милости и заступничестве Милосердного Господа, Пресвятой Богородицы, Ангела-хранителя и всех святых угодников Божиих; ведь, если материя первична, мироздание – результат эволюции, личностно понимаемого сверхъестественного мира и бессмертной души нет, тогда *человек никому не нужен* , и надеяться ему не на что, – ему никто и ничто не поможет и не спасет, т.к. его, – в этом случае, – возможная надежда – другие люди, их объединения, общества, партии, правительства, государства и все человечество в целом, – все сами нуждаются в помиловании и спасении, будучи *немощными и смертными* .

Как же так получается, что произведения советской *безрелигиозной* эпохи и культуры наполнены идеями, хотя и выраженными во внерелигиозных формах, но имеющими именно *религиозный* характер и происхождение? Ответ на этот вопрос следует искать в известном утверждении Тертуллиана, согласно которому *душа человеческая по природе своей – христианка* . Поэтому, как бы не закатывали ее в асфальт атеизма, как бы не заливали бетоном безбожия, ее истинная природа проявляется и пробивается – везде и всегда, потому что *такая природа* – сильнее всего на свете. Как разрушается асфальт, трескается и крошится бетон, через который пробивается из *живой* земли к солнечному свету *живая* трава, так же *живая* человеческая душа, разрушая кажущееся нерушимым, но на самом деле, как то ни странно, достаточно ломкое атеистическое покрытие, пробивается к *Живому Личному Богу*, Которому Единственному человек может сказать: «То бо еси мой Сотворитель и всякому благу Промысленник и Податель, о Тебе же все упование мое, и Тебе славу воссылаю, ныне и присно и во веки веков».

Итак, советский атеизм и христианский теизм, будучи противоположными идейными полюсами, разделенными мировоззренческой бездной, парадоксально близки друг другу с о е й *вертикальной ориентированностью* и устремленностью, противостоящей «демократической», «толерантной», «мультикультурной», позитивистской, постмодернистской и постсекулярной *горизонтали бессмысленности* , объявляемой важной ценностью либерального мира.

Близость идейной вертикали советского атеизма по отношению к теистической религиозности является несомненным *парадоксом* первого, а в чем состоит его *трагедия* , о которой говорится в названии статьи? Трагедия советской атеистической вертикали заключается в том, что она представляет собой действительно грандиозную вавилонскую башню, но...*построенную на песке* , которым является безнадежная и бесповоротная конечность человека, перед которой *обнуляется* его бытие, – ни культурные достижения, ни социальные свершения, ни память благодарных потомков, ни светлое далекое

будущее и всеобщее благоденствие, – ничто не может ни на йоту компенсировать *полное исчезновение личности*, на котором настаивает безрелигиозное сознание.

С точки зрения материализма, атеизма, эволюционизма, синергетизма и физикализма, личность есть *виртуальная реальность*, эмерджентный эффект, результат функционирования центральной нервной системы и проявление высшей нервной деятельности, но в таком случае возможно ли вообще говорить о личности? С точки зрения идеализма, теизма, креационизма, телеологизма и спиритуализма, личность, по определению, есть то, что вообще не может исчезнуть. Однако первое понимание личности характерно как раз для горизонтально ориентированного философского сознания, второе – вертикально ориентированного. В результате получается, что советский атеизм старается парадоксально сочетать в себе и ту, и другую ориентацию, что делает его внутренне противоречивым мировоззренческим феноменом. Интуиции этого противоречия приводят его к постоянно повторяющимся попыткам самоотрицания, неявного и бессознательного взлома блокады безбожия и прорыва к Небу, которое декларируется несуществующим, утверждения бессмертия души, которая объявляется смертной, что является *парадоксом и трагедией*, находящими свое проявление в самых различных эпизодах ментального пространства советского периода отечественной истории.

Библиография

1. Васильев Л.С. «Основной вопрос философии»: идеи и интересы // Общественные науки и современность. 2008. № 5. С. 152–162.
2. Меньчиков Г.П. Об изменении основного вопроса философии // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 1. С. 125–134.
3. Никонов А.П. Апгрейд обезьяны. Большая история маленькой сингулярности. М.: Энас, 2005. 145 с.
4. Гусев Д.А. «Основной вопрос философии» в контексте полемики теизма и атеизма как систем мировоззренческой навигации человека (историко-философский и общетеоретический аспекты) // Вопросы философии. 2020. Т. № 6. С. 58–68.
5. Мамедова К. Основной вопрос философии: решение и развитие // Наука через призму времени. 2017. № 6 (6). С. 50–56.
6. Паскаль Б. Мысли. Пер с фр. Э. Фельдман-Линецкой. СПб, 2005. 336 с.
7. Гусев Д.А., Потатуров В.А. Сциентизм и антисциентизм как два образа философии науки, два мировоззрения и две системы жизненной навигации человека (историко-философский и общетеоретический аспекты) // Философская мысль. 2020. № 1. С. 32–51.
8. Грачев М.В., Михайлов К.А. Философия. Фундаментальный курс живой и свободной философии. Том 1. Метафилософия. Онтология. Гносеология. Философия и методология науки. М.: Академический проект, 2018. 659 с.
9. Энгельс Ф. Старое предисловие к «Анти-Дюрингу». О диалектике // Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М.: Политиздат, 1983.
10. Кураев А. Школьное богословие. М.: Норма, 2005. 512 с.
11. Гусев Д.А., Потатуров В.А., Суслов А.В. Теизм, атеизм и пантеизм в контексте решения основного вопроса философии: антропологический аспект // Философская мысль. 2021. № 8. С. 92–113.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Автор рецензируемой статьи обращается к очень интересной (и крайне редкой сегодня) теме, он анализирует особенности материалистически-атеистического и, в то же время, ориентированного на личностное бытие гуманистического мировоззрения советской эпохи. Именно в этой связи следует понимать и избранное автором название статьи, на взгляд рецензента, очень удачное. В начале статьи автор присоединяется к точке зрения, согласно которой «основной вопрос философии» «не устаревает», оставаясь и сегодня актуальным «не в меньшей степени, чем сто или тысячу лет назад»: ««основной вопрос философии» и связанная с ним проблематика не устаревают, несмотря на наше возможное позитивистское и постмодернистское желание объявить его устаревшим. Кроме того, будучи вопросом онтологическим, он не в меньшей степени, является вопросом антропологическим». Жаль, конечно, что, размышляя в этой связи о природе философии, автор не обращается к замечательной книге Г.Г. Майорова «Философия как искание Абсолюта», многие положения статьи могли бы быть обогащены идеями первых очерков этой книги. В последующем изложении автор переносит внимание на «парадоксальный» характер советского мировоззрения, тяготеющего, несмотря на «материализм» и «атеизм», к возрождению идеи личности, и приходит к выводу («постоянно повторяющиеся попытки самоотрицания, неявного и бессознательного взлома блокады безбожия и прорыва к Небу, которое декларируется несуществующим и т.д.»), с которым трудно согласиться в полном объёме, поскольку в нём не принимается во внимание социально-культурный контекст становления понятия личности (в чём, думается, и состоит самое главное «слабое место» подхода автора к проблеме), однако, и этот вывод, отнюдь не бесспорный, способен вызвать интерес читателя и инициировать его размышления по поводу рассматриваемых, в действительности, центральных для философии, проблем. Невозможно не отметить также, что автор отстаивает целый ряд тезисов, «необычных» для отечественных публикаций последних лет, и эти тезисы хочется приветствовать как «отрезвляющие» для «излишне модной» в массе своей философской литературы постсоветских десятилетий, например: «Формирование и развитие этого мировоззренческого учения (материализма советской эпохи, - рецензент) проходило в рамках классической парадигмы философского мышления, с её представлениями об определенности и «прозрачности» действительности, объективности познаваемой реальности, монистическим подходом к пониманию не только истины, но и нравственных норм и ценностей человеческого бытия. Марксизм наследует гегельянству, которое является одним из выражений немецкой классической философии, которая сама вырастает из философии Нового времени, которое, в свою очередь, уходит идейными и историческими корнями в эпоху Возрождения и, - далее, - античности, разумеется, - во многом вбирая в себя и средневековую философскую традицию». Эту слишком пространную для рецензии цитату трудно было прервать просто потому, что она ... неожиданно справедлива для сегодняшней философской атмосферы в нашей стране. Конечно, в рецензируемой статье можно заметить и некоторые (наряду с указанным) недостатки. Например, в анализе советского мировоззрения автор почти не обращается к научной литературе, основываясь почти исключительно на собственных «впечатлениях», пусть и интересных. Далее, в следующих высказываниях, думается, вместо «предполагает» следовало бы поставить «вызывает»: «материализм, безусловно, предполагает атеизм, эволюционизм и т.д.»; «и идеализм предполагает теизм, креационизм и т.д.»; вряд ли можно сомневаться в том, что «материализм» и

«идеализм» представляют собой теоретические основания перечисляемых установок, а не их следствия. Отдельные положения статьи вызывают возражения, поскольку их трудно признать соответствующими современному состоянию изучения упоминаемых историко-культурных феноменов, например, в высказывании «тот внекреационистский идеализм, о котором мы говорим, предполагая философскую традицию от Пифагора и Платона до раннего Ф. Шеллинга и Г. Гегеля, предполагает как раз пантеизм» Гегель упоминается, конечно же, по недоразумению. Или, прочитаем следующий фрагмент: «российское общество до и после революции 1917–1921 гг. представляет собой два этих лагеря-берега...». Что это значит? В дореволюционной России не было материализма? В некоторых случаях трудно признать удачной авторскую пунктуацию, например, в предложении «является ли любое локальное философское сообщество «носителем истины» и «хранителем философии», наверняка знающим – что она такое и зачем нужна, а также – защищающем ее от посягательства профанов, дилетантов и «непрофессионалов»?» оба тире, думается, являются избыточными (к тому же, имеет место опечатка в слове «защищающем», должно стоять «защищающим»). Нечто подобное встречаем и в следующем предложении: «Если все же исходить из того, что философия – не наука и не референт науки, и не логика и методология социально-гуманитарного познания, а – любовь к мудрости...»; второе тире здесь также является излишним. Напротив, во фрагменте «...два основных ответа на него – материализм и идеализм являются центрами...» после «идеализм» также должно стоять тире. Однако, несмотря на сделанные замечания, статья представляет несомненный интерес для читателя, в ней реализован интересный авторский замысел, думается, даже в сегодняшнем своём виде (разумеется, после исправления бросающихся в глаза опечаток) она заслуживает публикации в научном журнале.